

Юрген Граф

ЕВРЕЙ ГОВОРIT С ГИММЛЕРОМ

**Ночной разговор Генриха Гиммлера с Норбертом Мазуром
в апреле 1945 года**

В начале 1945 года Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, как и каждый человек в Европе, знал, что Германский Рейх проиграл войну. Тем не менее, он не терял надежды, что «для Германии ещё можно кое-что спасти», как выражался он в разговорах со своими доверенными лицами. Гиммлер был убеждён, что англо-американцы не допустят советского господства в Европе и рано или поздно будут искать взаимопонимание с Германией, чтобы остановить наступление Красной армии и вытеснить советские войска из захваченных ими областей. Эта надежда, разумеется, бесконечно далёкая от действительности, целенаправленно поддерживалась агентами союзников, которые на протяжении долгого времени снабжали Гиммлера дезинформацией о планах западных союзных держав.

Не ставя об этом в известность Адольфа Гитлера, Гиммлер поручил своему финскому массажисту Феликсу Керстену, который часто ездил в Швецию, установить там контакты с представителем Всемирного еврейского конгресса. Его расчёты выглядели примерно так. В качестве ответной услуги за освобождение еврейских заключённых из концлагерей Конгресс должен был побудить англо-американцев пойти со своей стороны на некоторые уступки Германии: это стало бы первым шагом к вожделенному перемирию на Западном фронте. При этом Гиммлер шёл на большой риск: если бы Гитлер, который давно уже ему не доверял, узнал, что Рейхсфюрер ведёт за его спиной переговоры с евреями, он при первом же визите Гиммлера в Берлин тут же арестовал бы его и приказал расстрелять за государственную измену.

В феврале 1945 года Керстен встретился в Стокгольме с высокопоставленным представителем Всемирного еврейского конгресса Гиллелем Шторхом, который передал ему для Гиммлера список требований. Их важнейшим пунктом было освобождение как минимум части ещё находившихся в нацистских концлагерях евреев для их последующей переправки в Швецию или Швейцарию.

После того, как Керстен передал Гиммлеру этот список, он предложил ему принять представителя Конгресса для переговоров. Гиммлер согласился на это предложение и гарантировал парламентёру свободный проезд под охраной.

По неизвестным причинам Гиллель Шторх не поехал в Германию сам, а поручил это еврею родом из Германии Норберту Мазуру. Последний в 1938 году эмигрировал со своей семьёй в Швецию, позже преуспел там в бизнесе и уже вскоре стал играть важную роль в тамошней еврейской общине.

В сопровождении Керстена Мазур вылетел днём 19 апреля с фальшивыми документами, которыми снабдил его личный врач Гимmlера д-р Брандт, из Стокгольма в Берлин. Гестаповский автомобиль доставил их из аэропорта Темпельхоф в поместье Керстена Харцвальде, в 70 км к северу от столицы Германии.

Утром 20 апреля один из ближайших сотрудников Гимmlера бригадный генерал СС Вальтер Шелленберг нанёс визит в поместье и за завтраком беседовал с Мазуром и военной ситуации. Сам Гимmlер находился в этот момент в Берлине, чтобы принять участие в праздновании 56-летия Адольфа Гитлера.

Так как поездка по разбомбленным дорогам заняла много времени, Гимmlер в сопровождении Шелленберга, Керстена и д-ра Брандта прибыл в Харцвальде только в 2.30 ночи. Его беседа с Мазуром длилась примерно два с половиной часа. Затем он покинул поместье Керстена, так как на утро 21 апреля у него была назначена встреча с графом Фольке Бернадоттом, председателем шведского Красного креста.

По возвращении в Швецию Мазур написал брошюру под названием «Еврей говорит с Гимmlером», которая вышла в 1945 г. в издательстве Альберт Боннгерс Фёрлаг, Стокгольм. Ввиду большого исторического значения этой брошюры, можно было предположить, что её сразу же переведут на основные европейские языки, но этого не случилось. Лишь через 40 лет после выхода шведского издания американский еврейский журнал «Момент» опубликовал в декабрьском номере за 1985 год английский перевод, в котором отсутствовали многие куски оригинала, причём читатели не были осведомлены об этих сокращениях.

Непонятно почему, но брошюра Мазура никогда не переводилась на немецкий язык. Этот пробел я хочу теперь заполнить, причём опускаю введение, в котором описаны предыстория поездки Мазура и сама его поездка, – я вкратце уже изложил его содержание. Мой перевод начинается с того места, где описывается прибытие Гимmlера в Харцвальде. Я опирался при этом на оригинальный шведский текст, который мне любезно прислал из Стокгольма Карл Нордлинг.

«В половине третьего мы услышали, что подъехал автомобиль. Керстен вышел во двор, и через несколько минут вошёл Генрих Гимmlер в сопровождении Шелленберга, своего адъютанта д-ра Брандта и Керстена. Гимmlер приветствовал меня словами «Добрый день!», а не «Хайль Гитлер!» и сказал, что он дово-

лен тем, что я приехал. Мы сели за стол, и нам сервировали кофе на пять персон.

Гиммлер был элегантно одет; хорошо сидевшая на нём униформа была украшена знаками отличия и орденами. Вид у него был ухоженный; несмотря на поздний час он был оживлён и производил впечатление спокойного, владеющего собой человека. Внешне он выглядел лучше, чем на фотографиях. Признаком садизма и жестокости, возможно, был его беспокойный, пронзительный взгляд. Если бы я не знал его прошлое, я бы не поверил, что этот человек ответственен за самые широкомасштабные массовые убийства в истории.

Гиммлер сразу начал говорить. «Наше поколение – сказал он между прочим – никогда не знало мира. Когда разразилась Первая мировая война, мне было 14 лет. Едва война кончилась, в Германии началась гражданская война, и в восстании союза «Спартак» евреи играли руководящую роль. Евреи в нашей среде были чужеродным элементом, они всегда сеяли смуту. Несколько раз их изгоняли из Германии, но они всегда возвращались. После нашего прихода к власти мы хотели решить этот вопрос раз и навсегда, и я планировал гуманное решение путём эмиграции. Я вёл переговоры с американскими организациями, чтобы ускорить эмиграцию, но ни одна из стран, якобы дружелюбно относящихся к евреям, не захотела их принять».

Я возразил, что для немецкого народа, может быть, и было бы удобней не иметь меньшинств в своей среде, но это не соответствовало бы с таким трудом выработанным правовым понятиям, если бы людей, живущих в стране, где жили их отцы и прадеды, внезапно изгоняли с их родины. Тем не менее, евреи смирились с этим принуждением и готовы были эмигрировать, но нацисты хотели за несколько лет покончить с состоянием, которое создавалось на протяжении многих поколений, а это было невозможно.

Гиммлер продолжал: «Когда началась война, мы вступили в контакт с пролетаризированными массами восточных евреев, а это породило совершенно новые проблемы. Мы не могли терпеть такого врага в нашем тылу. Еврейские массы были разносчиками опасных эпидемий, в частности сыпного тифа. Я сам потерял тысячи моих лучших эсэсовцев из-за этих эпидемий. И к тому же евреи помогали партизанам».

На мой вопрос, каким образом партизаны могли получить помощь от евреев, которые были заперты в больших гетто, Гиммлер возразил: «Евреи передавали партизанам информацию. Кроме того, они стреляли в гетто в наших солдат». Такую интерпретацию давал Гиммлер героической борьбе евреев в Варшавском гетто. Какое чудовищное извращение истины! Я попытался осторожно отвлечь

Гимmlера от неудачной идеи защитить немецкую политику в еврейском вопросе, разговаривая с евреем, так как эта попытка защиты вынудила бы его говорить одну неправду за другой. Но это было ни к чему. Казалось, он испытывал потребность умышленно произнести эту защитительную речь перед евреем, так как он, конечно, чувствовал, что дни его жизни или, по крайней мере, его свободы сочтены.

Он продолжал: «Для борьбы с эпидемиями мы были вынуждены построить крематории, где сжигали трупы множества людей, ставших жертвами этих болезней. И за это нам теперь грозят казнью!» С его стороны это была самая отвратительная попытка искажения истины. Я был так потрясён подобным объяснением появления пресловутых фабрик трупов, что не мог вымолвить ни слова.

«Война на Востоке была невероятно жестокой, – сказал после этого Гимmlер. – Мы не хотели войны с Россией. Но вдруг мы обнаружили, что Россия имеет 20.000 танков, и мы были вынуждены действовать. Речь шла о том, чтобы победить или погибнуть. Война на Восточном фронте стала для наших солдат тяжелейшим испытанием. Негостеприимная природа, жестокие морозы, бесконечные просторы, враждебное население и повсюду партизаны в тылу. Немецкий солдат мог выстоять, только проявляя жестокость. Если в какой-нибудь деревне раздавался хоть один выстрел, приходилось сжигать всю эту деревню. Русские – не обычные противники, мы так и не смогли понять их менталитет. Они отказывались капитулировать даже в самом безнадёжном положении. Если еврейский народ пострадал из-за жестокости этой борьбы, то нельзя забывать, что и немецкий народ тоже не щадили».

Разговор перешёл на другую тему – тему концентрационных лагерей.

«Свою дурную славу эти лагеря заслужили из-за неудачно выбранного названия, – так начал Гимmlер своё объяснение. – Их надо было назвать лагерями перевоспитания. В них сидели не только евреи и политические заключённые, но и уголовники, которых после отбытия ими их срока не отпускали на свободу. В результате Германия в военном 1941 году имела самый низкий уровень преступности за много десятилетий. Труд заключённых был тяжёл, но эти тяготы переживал и весь немецкий народ. Обращение с заключёнными в лагерях было строгим, но справедливым».

Я перебил его: «Но ведь нельзя отрицать, что в лагерях совершались тяжёлые преступления?». Он ответил: «Я могу допустить, что нечто подобное происходило, но я наказал виновных».

Хотя я – исключительно с учётом моей задачи, добиться освобождения еврейских и прочих заключённых, – вынужден был продолжать беседу, в тот момент, когда он заговорил о «справедливом обращении» в концлагерях, я не смог сдержать своё возмущение. Мне доставляло удовольствие от имени страдающего еврейского народа сказать ему в лицо хотя бы о некоторых преступлениях, творившихся в этих лагерях. В этот момент я, как рупор поруганного, но не уничтоженного права, чувствовал себя сильнеешим из нас двоих. И я думаю, Гиммлер осознавал слабость своей позиции.

Я попытался ещё раз отвлечь его от этих попыток самозащиты. – «Произошло многое, что невозможно исправить или возместить, – начал я. – Но если в будущем ещё можно будет навести мосты между нашими народами, то как минимум все евреи, которые сегодня ещё живут на подвластных Германии территориях, должны остаться в живых. Поэтому мы требуем освободить всех евреев из лагерей, находящихся вблизи от Скандинавии или Швейцарии, чтобы их можно было эвакуировать в Швецию или Швейцарию, а что касается остальных лагерей, то пусть заключённые остаются там, где находятся, пусть с ними обращаются хорошо, обеспечат их достаточным количеством еды и пусть эти лагеря будут без сопротивления переданы союзникам, когда фронт приблизится к ним. Кроме того, мы просим выполнить пожелания, содержащиеся в ряде писем шведского Министерства иностранных дел и касающиеся освобождения ряда арестованных шведов, французов, голландцев и евреев, а также взятых в заложники евреев».

Керстен энергично поддержал мои пожелания. Я попросил Гиммлера назвать число ещё остающихся в концлагерях евреев, и он привёл следующие цифры: Терезиенштадт 25000, Равенсбрюк 20.000, Маутхаузен 20-30 тысяч и ещё немного в ряде других лагерей. Он утверждал также, что в Освенциме было 150.000 евреев, когда этот лагерь попал в руки русских; в Берген-Бельзене содержалось 50.000 евреев и в Бухенвальде 6.000, когда эти лагеря были переданы англичанам и американцам. Я знал, что его цифры неверны и, особенно в случае Освенцима, сильно преувеличены.

В Венгрии, сказал Гиммлер, осталось 450.000 евреев. «И какова же была их благодарность? – ханжески спросил он. – Евреи в Будапеште стреляли по нашим солдатам». Я возразил, что, если 450.000 евреев осталось, а было 850.000, значит, 400.000 были депортированы и их судьба неизвестна. Оставшиеся в Венгрии евреи не знали, что их ожидает, этим и объясняется их реакция. Гиммлер отверг мои возражения. Свои аргументы он явно взял из известной басни Лафонтена: «Как страшен этот зверь! Он защищается, когда его хватают!»

Гиммлер продолжал: «Я намеревался сдать лагеря без сопротивления, как обещал. Я сдал Берген-Бельзен и Бухенвальд, но мне отплатили за это злом. В Берген-Бельзене одного из охранников связали и сфотографировали вместе с умершими незадолго до этого заключёнными. И эти снимки распространяются теперь по всему миру. И Бухенвальд я сдал без сопротивления, но наступающие американские танки внезапно начали стрелять. Лазарет, который состоял из лёгких деревянных домиков, загорелся, а потом фотографировали трупы. Эти фотографии используют теперь для пропаганды ужасов».

Когда я прошлой осенью переправил в Швейцарию 2700 евреев, даже это использовали для кампании в прессе лично против меня. Писали, будто я освободил этих людей лишь для того, чтобы создать себе алиби. Мне не нужно никакого алиби, я всегда делал то, что считал необходимым для немецкого народа и добавлю в этому, что я не разбогател. Ни в кого за последние двенадцать лет не швыряли столько грязи, сколько в меня. Я никогда не мстил за это, даже в Германии каждый мог писать обо мне всё, что хочет. Но публикации о концлагерях используются против нас как средство травли, и это не располагает меня к тому, чтобы и впредь отдавать лагеря. Например, несколько дней назад я приказал принудительно эвакуировать один лагерь в Саксонии, когда к нему приблизились американские танковые колонны. А с какой стати я должен был поступать иначе?»

Я боялся, что за повторными жалобами Гиммлера на публикации об ужасных открытиях в концлагерях, которые он пытался дискредитировать как «пропаганду ужасов», может последовать требование в качестве ответной услуги за согласие на наши требования прекратить эти публикации. Несомненно, Гиммлер верил под многолетним влиянием геббельсовской пропаганды, будто евреи действительно контролируют мировую прессу, как лживо утверждала нацистская пропаганда, и, может быть, верил даже, что я, как представитель евреев – хотя мы договорились, что я выступаю в качестве частного лица – могу оказать влияние на прессу союзных и нейтральных стран.

Чтобы предварить прямое требование, я перебил его и обратил его внимание на свободу прессы в демократических странах. «Правительство в демократической стране не имеет права препятствовать нежелательным публикациям. В дальней перспективе решающее значение имеют изложенные в них факты. В прошлом году освобождение 2700 евреев встретило благожелательный отклик в прессе всего мира, равно как и то обстоятельство, что здоровье освобождённых из лагеря Терезиенштадт было в сравнительно хорошем состоянии. У меня создалось впечатление, что Терезиенштадт был лучшим лагерем. Продолжение освобождения заключённых – единственная правильная политика, независимо от того, что пишет пресса. В спасении выживших евреев заинтересован не только ев-

рейский народ. Шведское правительство выразило свой интерес тем, что уполномочило д-ра Керстена и меня на эту поездку. И на правительства и народы союзных стран согласие на наши предложения произвело бы благоприятное впечатление. Спасение оставшихся в живых евреев имело бы огромное значение и пред лицом истории. А продолжение принудительной эвакуации может нанести Германии лишь ущерб. Необходимо разблокировать дороги, организовать снабжение и т.д.»

Гиммлер заметил, что Терезиенштадт не был лагерем в собственном смысле слова, это был город, где жили одни евреи, где у них было самоуправление, и они сами организовывали все работы. «Это организация было создана мною и моим другом Гейдрихом, и мы хотели, чтобы все лагеря выглядели так», – лицемерно заявил он.

Последовала долгая дискуссия. Я подчеркнул необходимость предложенных мер по спасению, причём Керстен меня поддержал. Особый упор мы делали на том, чтобы была разрешена эвакуация заключённых из Равенсбрюка в Швецию.

Общим обещаниям Гиммлера я не верил. Зато некоторые точно сформулированные обещания могли быть соблюдены хотя бы по той причине, что сотрудники Гиммлера были заинтересованы в том, чтобы отметить своё участие в этом. Кроме того, следовало опасаться, что последние недели войны станут особенно критическими для заключённых. Публикации о Бухенвальде могли побудить нацистских вождей, либо самого Гиммлера, либо группу Гитлера-Кальтенбруннера к тому, чтобы сравнять с землёй все ещё оставшиеся концлагеря, чтобы уничтожить все следы и всех живых свидетелей своих преступлений. Последние дни смертельной борьбы III Рейха были опасными для жизни тех немногих, кому удалось пережить долгие годы страданий и мучений в лагерях.

Гиммлер захотел посоветоваться со своим адъютантом д-р Брандтом. Мы с Шелленбергом вышли в соседнюю комнату. Во время нашего отсутствия Гиммлер продиктовал два письма, адресованных Керстену. Когда я примерно через двадцать минут вернулся в салон, Гиммлер заявил: «Я готов освободить тысячу евреев из концлагеря Равенсбрюк, и вы можете их забрать через Красный крест. Дано согласие на освобождение из Равенсбрюка француженок согласно списку шведского Министерства иностранных дел. Примерно 50 интернированных в норвежских лагерях евреев будут освобождены и доставлены на шведскую границу. Что же касается дел 20 шведов, осуждённых германским судом и находящихся в тюрьме Грини, то их дела будут благожелательно изучены и, если это возможно, их освободят. Вопрос об освобождении ряда названных заложниками норвежцев будет благожелательно изучен. Названные поимённо большей ча-

стью голландские евреи будут освобождены из Терезиенштадта, если Красный крест сможет их забрать. Но евреек из Равенсбрюка не следует называть еврейками, их можно назвать, например, польками. Разумеется, не только Ваш визит должен остаться абсолютной тайной, но и прибытие евреев в Швецию следует держать в секрете. Что не касается прекращения принудительной эвакуации и передачи лагерей союзникам, то я сделаю всё, что смогу, чтобы выполнить эти пожелания».

Характерным был страх Гимmlера перед тем, что освобождённых евреек будут называть еврейками. В этом отразились те разногласия между Гимmlером и Гитлером, на которые мне накануне указала Шелленберг. Пусть Гимmlер в тот момент обладал властью, он всё равно не хотел иметь никаких личных хлопот из-за евреев. Шелленберг, правда, уже давал понять, что позиция Гитлера – вопрос второстепенный.

Во время беседы обсуждались и общеполитические вопросы. Гимmlер дал волю своей ненависти к большевизму в известном нацистском стиле. Прочитирую некоторые его высказывания:

«Американцы ещё поймут, что мы служили оборонительным валом против большевизма». «Гитлер войдёт в историю как великий человек, потому что он даровал миру национал-социалистическое решение, единственную общественно-политическую форму, которая могла бы противостоять большевизму».

Один единственный раз за всё время он упомянул имя Гитлера.

«Американские и английские солдаты заразятся большевистским духом и вызовут социальные беспорядки в своих странах». «Немецкие массы настолько радикализированы, что, когда национал-социализм падёт, они будут брататься с русскими, власть которых в результате ещё больше увеличится» «В Германии осенью и зимой будет голод».

После минуты молчания он добавил, словно для самого себя: «Будут невероятные трудности; для восстановления мира понадобится много мудрости».

«Американцы выиграли свою войну; немецкая промышленная конкуренция сломлена на десятилетия».

«От нас требуют безоговорочной капитуляции. Об этом не может быть и речи. Я не боюсь умереть». «Во Франции при нашей оккупации был порядок, хотя мы имели там всего 2000 немецких полицейских. У всех была работа, всем хватало еды. Нам удалось навести порядок и создать здоровые условия в портовом

квартале Марсея, чего не смогло сделать ни одно французское правительство». «Я понимаю население, которое сражается за свободу своей страны. Мы никогда не опускались до таких методов, как англичане, которые, помогая французским маки, сбрасывали парашютистов в чужой униформе или в гражданской одежде».

Понимание партизанской борьбы пришло к Гиммлеру слишком поздно. Слушая его презрительные слова о парашютистах, я вспомнил Голландию, особенно Роттердам. Лживость его аргументов была типична для всей беседы.

Встреча длилась ровно два с половиной часа. В пять часов утра Гиммлер уехал из поместья на автомобиле. Всё это время – за исключением двадцати минут, когда я находился в другой комнате, – мы разговаривали. Полчаса я находился с ним наедине, свободный еврей лицом к лицу со страшным и безжалостным шефом Гестапо, на совести которого пять миллионов еврейских жизней. Гиммлер говорил большей частью спокойно и не взрывался даже при резких возражениях с моей стороны. Хотя внешне он сохранял спокойствие, его нервозность становилась всё заметней. Он много говорил. Я воспроизвожу здесь лишь наиболее важные части беседы; свои собственные слова я привожу лишь в тех случаях, когда без этого будет непонятен процесс переговоров. Но моё описание буквально или по смыслу в точности соответствует тому, что было сказано, хотя я не всегда соблюдал хронологическую последовательность.

Несомненно, Гиммлер был умным и образованным человеком, но он не был мастером в искусстве притворства. Его цинизм особенно вылезал наружу, когда он говорил о предстоящих, по его мнению, катастрофах. Типичны слова, которые он сказал, прощаясь с Керстеном: «Лучшая часть немецкого народа погибнет с нами, а что будет с остальными, не имеет значения». В отличие от Гитлера он и в своём отношении к евреям был рационалистом. Гитлер питал к ним ярко выраженную антипатию. Гиммлер в своих действиях не руководствовался чувствами. Он хладнокровно приказывал убивать, пока считал, что это служит его целям, но мог бы пойти и другим путём, если бы счёл его более выгодным для политики и для себя самого.

Какие мотивы могли побудить Гиммлера к тем небольшим уступкам, которые он делал в последние месяцы войны, в частности, по отношению к нам? Он ничего не требовал взамен. Он не верил, что может спасти свою жизнь с помощью этих уступок; он был очень умен и хорошо знал, сколь велик список его грехов. Возможно, он хотел предстать перед историей в более выгодном свете, чем остальные главные немецкие военные преступники. Удивляла слабая аргументация его защитительных речей. Собственно, он ничего не мог сказать в свою защиту кроме лжи. Никакой логики в построении фраз, никакого величия в мыслях, хо-

тя оно может быть и у преступника, даже если его мораль противоречит правосознанию нормального человека. Только ложь и увёртки! Последовательной была только его вера в то, что цель оправдывает средства. То, что он был одним из главных виновников массового убийства евреев, косвенно проистекало из его собственных слов. Я точно помню, что он сказал о числе евреев в Венгрии: «Я оставил там 450.000». Поскольку он ничего к этому не добавил, из этого можно было сделать вывод, что он лично несёт значительную долю ответственности за судьбу остальных венгерских евреев. Названная им цифра оставшихся в Венгрии евреев была также ложной, во всяком случае, сильно преувеличенной.

Во время беседы Гиммлер не говорил явно, что война Германией уже проиграна, но из его слов можно было понять, что он это знает.

После того, как Гиммлер нас покинул, мы пару часов спали или пытались спать. Моё внутреннее напряжение ослабло. Теперь надо было как можно скорее попасть в Берлин, а потом в Стокгольм, чтобы обсудить с Министерством иностранных дел и Красным крестом меры по проведению разрешённой эвакуации.

В десять часов мы выехали на автомобиле в Берлин. По пути туда я видел картину, которая глубоко врезалась мне в память: «народ господ» стал народом беженцев. Машина за машиной, битком набитые старым домашним скарбом, наспех собранным перед бегством, а посреди хлама – женщины, дети, старики. Эта процессия человеческого бедствия двигалась из города в город, при любой погоде, подальше от фронта. Нигде нельзя было остановиться; после короткой передышки, чтобы поесть, люди бежали дальше, гонимые приближающимся фронтом и проносящимися на бреющем полёте самолётами. Та же самая картина бедствия, которую мы часто видели на фотографиях и в наших фантазиях: французы, поляки, русские, евреи, бегущие от немецкой солдатни, картины, которые сопровождались победным ликованием немецкого народа. Теперь немцы, наконец, сами почувствовали на своей шкуре, что они делали с другими народами.

Приближаясь к Ораниенбургу, мы нагнали длинную колонну людей в штатском, сопровождаемых охранниками. Это заключённые из концлагеря Ораниенбург шёл на север, подальше от фронта. Опять принудительная эвакуация, потому что русские наступали.

Лучше забить дороги, бессмысленно перегоняя жалкие жертвы мучительным и опасным для жизни путём, чем выпустить добычу из рук!

Близость фронта становилась ощутимой. Слышались пушечные выстрелы. Дороги были переполнены транспортом всех видов. Наш автомобиль остановили: мы должны были взять с собой раненых. Но дальше дорога стала свободней и вскоре мы прибыли в Берлин. На этот раз я увидел миллионный город при дневном свете. Это был город-призрак, гигантское скопище руин. Полуразрушенные фасады зданий, внутренность которых выгорела. Лишь изредка встречался неповреждённый, обитаемый дом. Ещё до начала битвы за сам Берлин две трети города были полностью разрушены, и всё же три миллиона человек продолжали там жить. Где и как, было непонятно. На всём пути через город я не видел не одного настоящего магазина. Перед некоторыми домами бедные, плохо одетые люди стояли в очередях за продуктами. Уличное движение было почти парализовано, пешеходов мало, изредка проезжал трамвай. Мы ехали в шведскую миссию. Элегантный квартал рядом с зоопарком был целиком стёрт с лица земли. Только колонна Победы стояла неповреждённой!

Мы хотели встретиться с графом Бернадоттом, но не нашли его в миссии. Мы знали, что граф Бернадотт где-то под Берлином, так как он тоже хотел встретиться с Гиммлером вскоре после того, как тот уехал от нас. Мы поехали в дом Гестапо в Западном Берлине и говорили там с одним из сотрудников Шелленберга, который с немецкой стороны отвечал за транспорт Красного креста. Он сказал, что знает, где находится колонна шведских автобусов: они только что закончили эвакуацию скандинавов и возвращаются в Германию. Он хотел попытаться уговорить графа Бернадотта направить эту колонну в Равенсбрюк.

Наша задача в Берлине была выполнена. Пора было возвращаться домой. Началась осада Берлина: русские снаряды уже били по центру города. В два часа дня должен был вылететь самолёт на Копенгаген, но не было уверенности, сможет ли он вылететь. Мысль о множестве самолётов, которые мы видели накануне, порождала тревожные чувства. Как сможет немецкий самолёт ускользнуть от этих хозяев воздушного пространства? Казалось, будто воздух чист, как говорили немцы. Мы надели тяжёлые спасательные жилеты и в четыре часа взлетели на тяжёлом транспортном самолёте типа «Кондор», предназначенном для перевозки войск. Через два часа мы благополучно приземлились в Копенгагене. Как радостно было находиться в городе с целыми домами, со спокойными, хорошо одетыми людьми! Мы сразу же выехали поездом в Хельсингёр и в девять часов вечера снова стояли на твёрдой земле. Мы были в Швеции. Наше путешествие закончилось.

В Стокгольме мы узнали в воскресенье утром в Министерстве иностранных дел, что из шведской миссии в Берлине получена телеграмма по нашему делу. По поручению графа Бернадотта нам сообщали в ней, что автобусы уже находятся на пути в Равенсбрюк. Через несколько дней мы узнали от гр. Бернадотта, что

Гиммлер не только освободил тысячи женщин, как обещал нам, но и разрешил эвакуацию всех женщин Равенсбрюка в Швецию. Таким образом шведский Красный крест смог за несколько дней спасти 7000 женщин разных национальностей, из которых примерно половину составляли еврейки. 50 евреев, которые сидели в норвежских концлагерях, были освобождены и через пару дней прибыли в Швецию. Министерство иностранных дел сообщило также, что в результате наших договорённостей были освобождены шведские заключённые из тюрьмы Грини и несколько сот норвежских заложников.

Посещение спасённых еврейских женщин в лагерях в Южной Швеции стало для нас потрясением. Невозможно рассказать, что они выстрадали за шесть долгих лет, сначала в гетто, потом в концлагерях, худшим из которых был Освенцим. Чудо, что они смогли выжить, всегда голодные, под постоянным страхом смерти, полного уничтожения, в условиях тяжкого труда и в муках. Только самые сильные могли годами выдерживать эти ужасные страдания. Смогут ли они вернуться к нормальной жизни? Многие из них были одни во всём мире, их семьи исчезли, вероятно, были уничтожены, их дома – в большинстве это были польские еврейки – разрушены. Голландки, бельгийки и другие, еврейки и нееврейки, могли вернуться в свои родные страны, но для этих польских евреек дороги назад не было. На их родине все напоминало им только о страданиях в гетто и в Освенциме, о пропавших семьях, об убитых домах, о разрушенным общинах. Они мечтали снова жить в свободном еврейском окружении. Палестина была для них единственным шансом вернуться к нормальной жизни, вновь обрести человеческое счастье.

Драматическая ночная встреча двух смертельных врагов, пресловутого шефа Гестапо и представителя измученного еврейского народа позволила освободить немногих из бесчисленных жертв нацизма. Еврейское вмешательство в пользу еврейской части населения, которой в первую очередь угрожало уничтожение, было в тех обстоятельствах возможно только в сотрудничестве с другими, действовавшими в том же направлении силами. О роли медицинского советника Керстена, который сделал возможными эти переговоры и участвовал в них, я уже упоминал. Практическое использование результатов переговоров и фактическое спасение заключённых, поскольку речь шла об эвакуации из Германии, стали возможны только благодаря самоотверженной работе шведского Красного креста в соответствии с высокими идеалами этой организации. Осуществление этой крупномасштабной акции спасения стало возможным благодаря инициативе и активной поддержке шведского Министерства иностранных дел. Не ставилось никаких условий, не было никаких ограничений относительно числа и национальности спасаемых. Всех принимали как гостей правительства. Так они были спасены для жизни и для свободы».

На этом кончается рассказ Норберта Мазура. Встаёт вопрос: верно ли он воспроизвёл высказывания Генриха Гимmlера?

Мы однозначно ответим на этот вопрос утвердительно, ибо то, что сказал Гимmlер Мазуру согласно данному рассказу, согласуется с нашими нынешними, подкреплёнными документами знаниями об описанных здесь событиях. Да, Гимmlер и другие нацистские вожди стремились к сравнительно гуманному решению еврейского вопроса путём эмиграции, но страны, считавшиеся дружественно настроенными по отношению к евреям, отказались принять еврейских эмигрантов. Да, евреи на Востоке активно поддерживали партизанское движение, об этом говорят и сами еврейские источники. Да, строительство крематориев в концлагерях было непосредственным следствием высокой смертности от эпидемий, и, как предвидел, не питая иллюзий, Гимmlер, это поставили в вину СС. Наконец, данные Гимmlера о числе ещё оставшихся к тому моменту в лагерях евреев соответствуют фактам, если не считать того, что он завысил на треть число евреев, находившихся в Освенциме накануне эвакуации.

Необыкновенно поучительна разница между написанными Норбертом Мазуром позже комментариями к высказываниям Гимmlера и его ответами и возражениями во время беседы, изложенными его собственными словами. Как и следовало ожидать от еврейского эмигранта и представителя Всемирного Еврейского конгресса, он в своей брошюре даёт картину истории, которую начали рисовать уже тогда: Гимmlер несёт ответственность за «величайшие массовые убийства в истории»; концлагеря были «фабриками трупов». Но в разговоре с Рейхсфюрером он лишь упрекнул его в том, что в лагерях, несомненно, совершались «тяжелые преступления», что Гимmlер признал с весьма правдоподобным указанием на то, что он в отдельных случаях приказал наказывать виновных (так были казнены эсэсовец комендант Майданека Герман Флорштедт и комендант Бухенвальда Карл Кох, многие члены лагерного персонала также подверглись разным карам). Под «тяжелыми преступлениями» можно кроме отдельных убийств и издевательств понимать и массовые убийства в ограниченном объёме, но никогда и нигде – фабричные массовые убийства сотен тысяч или даже миллионов людей.

Хотя Мазур пишет, что ему доставляло удовольствие сказать Гимmlеру в лицо хотя бы часть правды о совершённых преступлениях, он замалчивает в своей брошюре о том, что он ещё сказал ему в лицо кроме фразы о «тяжелых преступлениях». Ни единым словом не упомянул он о газовых камерах, в которых якобы были убиты миллионы евреев. А ведь советские войска освободили концлагерь Майданек ещё в июле 1944 года, т.е. за девять месяцев до встречи Мазура с Гимmlером, и вскоре после этого стали утверждать, будто в этом лагере убили 1,7 миллиона людей, «большую часть» из них – в газовых камерах.

2 февраля 1945 года «Правда» поведала о гигантских массовых убийствах в Освенциме, частично с помощью электрического тока, частично «в газовых камерах в восточной части лагеря» (т.е. не в Бжезинке). Как влиятельный представитель Всемирного еврейского конгресса Мазур, разумеется, знал обо всех этих утверждениях. То, что он не говорил об этом с Гиммлером, позволяет сделать лишь один вывод: Норберт Мазур в апреле 1945 года не верил в газовые камеры и не хотел показаться перед Гиммлером смешным, используя явную пропаганду ужасов. И в своей брошюре, которая вышла в том же самом 1945 году, он не упоминает ни о газовых камерах, ни о других орудиях убийства, о которых тогда ещё говорили (паровые камеры, камеры с отсосом воздуха, электрические установки для убийства). Вероятно, тогда ещё было неясно, какой метод убийства будет признан официально (ещё в декабре 1945 г. поляки утверждали, что орудием убийства в Треблинке были паровые камеры), поэтому Мазур предпочёл не говорить ничего определённого.

Генрих Гиммлер прожил после встречи с Норбертом Мазуром всего 34 дня. Согласно официальной исторической версии, он совершил самоубийство в английском плену, раскусив ампулу с цианистым калием, но это ложь, одна из бесчисленных лживых легенд о Второй мировой войне.

Весной 1945 года уже шла подготовка к Нюрнбергскому процессу, и было ясно, что истребление евреев в «лагерях уничтожения» станет главным пунктом обвинения против побеждённых. На этом процессе Рейхсфюрер СС в качестве обвиняемого просто был не нужен. Дёниц, Геринг, даже Ганс Франк, никогда не имевшие дело непосредственно с концлагерьями, могли говорить в свою защиту, что они ничего не знали о том, что там происходит – для Генриха Гиммлера, как для шефа ответственной за управление лагерями организации, этот выход был заведомо закрыт. На обвинение в систематических массовых убийствах в концлагерях, он – об этом можно сказать с полной уверенностью – ответил бы, что таких массовых убийств не было. Выбитое под пытками признание первого коменданта Освенцима Рудольфа Гесса, согласно которому только в этом лагере до ноября 1943 года были убиты три миллиона человек, не произвело бы на него никакого впечатления.

Англичане, взяв Генриха Гиммлера в плен, убили его на следующий день. Доказательства этого приводит американский автор Джозеф Беллинджер в своей книге «Смерть Гиммлера – самоубийство или убийство? Последние дни Рейхсфюрера СС», которая вышла в начале 2005 г. в издательстве Арндт-Ферлаг.

В этой книге Беллинджер упоминает и встречу Гиммлера с Норбертом Мазуром и комментирует её следующим образом:

«Он (Гиммлер) говорил два с половиной часа почти непрерывно. Это была в какой-то степени его защитительная речь перед Трибуналом Истории, перед которым он защищался от обвинения, будто за двенадцать лет существования III Рейха приказывал совершать множество злодейств или терпел их. В том, что эта защитительная речь была передана через еврея, семья которого принадлежала к множеству тех, кого преследовали по расовым или религиозным причинам, была некая доля иронии».

Ноябрь 2004 года

Перевод с нем.: А.М. Иванов

Примечания

- 1) 8 июня 1990 г. проф. Робер Фориссон письменно попросил шведского писателя Христофера Иолина, который предложил ему свою помощь, сравнить шведский оригинал с английским переводом и сообщить ему о несоответствиях. Иолин ответил 23 августа, что, хотя английский перевод правильный, в нём отсутствуют три страницы, на которых Гиммлер высказывается по политическим вопросам. Он приложил к своему письму эти три страницы вместе с переводом на английский. Я благодарю проф. Фориссона за присылку копий обоих писем, а также появившегося к тому моменту английского текста.
- 2) В тексте на немецком языке.
- 3) В данном случае Мазур явно не понял высказывание Гиммлера, который хотел сказать, что перед началом эвакуации Освенцима – а она началась уже осенью 1944 года – там были 150.000 евреев, хотя и эта цифра на тот момент завышена. В августе 1944 г. когда число заключённых в Освенциме достигло максимума, их там было 135.000 человек (Данута Чех. Календарь событий в концлагере Освенцим. Бжезинка. 1935-1945. Ровальт Ферлаг. Рейнбек близ Гамбурга, 1989, с. 860). Евреев среди заключённых тогда было 80%.
- 4) Вопреки утверждениям Мазура, этот стих принадлежит не Лафонтену. По сообщению проф. Фориссона, это слова французской уличной песни XIX века.

Библиотека Велесова Слобода, 2006 г.